

A detailed oil painting of a Soviet soldier, likely a sniper, in a combat setting. The soldier is wearing a dark, worn helmet with a red star emblem on top and a small circular badge on the side. He has a thick, dark mustache and a serious, determined expression. He is dressed in a greenish-brown military uniform with a red star on the collar. A rifle is visible on the left, and another rifle is on the right. The background is a light, textured wall.

УДО КРАФТ

САМОВОСПИТАНИЕ
ДЛЯ СМЕРТИ ЗА
ОТЕЧЕСТВО

Удо Крафт

**Самовоспитание для
смерти за Отечество**

«Автор»

2026

Крафт У.

Самовоспитание для смерти за Отечество / У. Крафт — «Автор»,
2026

Впервые на русском языке представляется перевод знаковой немецкой книги «Самовоспитание для смерти за Отечество: из оставшихся бумаг военного добровольца» (Selbsterziehung zum Tod fürs Vaterland, 1915), написанной профессором Удо Крафтом, погибшим в первые недели Первой мировой войны. Этот историко-психологический документ эпохи раскрывает милитаристские настроения и культ жертвенного патриотизма в кайзеровской Германии. Книга представляет собой уникальный сборник писем, дневниковых записей и размышлений, отражающих внутренний процесс преодоления страха смерти и сознательного формирования готовности пасть на поле боя. Работа имеет высокую историческую ценность и широко известна в мировой культуре как объект острой сатиры в романе Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (где она являлась настольной книгой кадета Биглера).

© Крафт У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Из сохранившихся документов добровольца проф. Удо Крафта, родившегося в 1870 г. во время войны и погибшего при Анлу 22 августа 1914 г.	5
Предисловие от переводчика	6
Вступление от Фридриха Крафта, брата автора записок	8
Из дневника шестнадцатилетнего.	9
Дневник. Пятница, 29 июля 1887 года.	10
Из школьного сочинения, в котором требовалось сравнить «Песнь о Нибелунгах» с «Одиссеей» Гомера. Летний семестр 1887 года	11
Дневник. Суббота, 13 августа 1887 года.	12
Заключение рассказа «Йоханнес», посланного родителям на Рождество 1887 года	13
Дневник. Воскресенье, 22 января 1888 года.	14
Дневник. Вторник, 24 января 1888 года	15
Дневник. Суббота, 4 февраля 1888 года.	16
Из выступления на выпускном вечере. Дневник. 19 марта 1891 года	17
Из речи, произнесенной в честь возрождения Германской империи. Записано 16 января 1892 года.	18
Из речи на рождественской студенческой пирушке. Декабрь 1893 года	19
Из «автобиографии» в архиве союза старых членов братства Арминия в Гисене. Записано зимой 1898 года	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Самовоспитание для смерти за Отечество

**Из сохранившихся документов добровольца проф.
Удо Крафта, родившегося в 1870 г. во время
войны и погибшего при Анлу 22 августа 1914 г.**

Предисловие от переводчика

Как и многие русскоязычные читатели, впервые об Удо Крафте я услышал в замечательном произведении Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

«Моим идеалом является немецкий профессор Удо Крафт. <...> Перед своей смертью он издал книгу „Самовоспитание к смерти за императора“. Я хотел бы, чтобы и обо мне говорили так же, как о нём. Пусть знают, что я не просто рядовой, а человек, стремящийся к высокому идеалу, к самопожертвованию во имя отечества. Пусть эта мысль поддержит меня в бою и придаст сил, когда станет совсем тяжело. Я хочу, чтобы мое имя не затерялось среди тысяч других, чтобы в нем видели не просто солдата, а носителя идеи, продолжателя дела таких людей, как профессор Крафт»¹.

Думая, что вышеупомянутый господин представляет собой очередную пародию на немецкий милитаристский романтизм, я захотел ознакомиться с его «Самовоспитанием для смерти за Отечество», название которого спутал кадет Биглер. Оказалось, что сей труд представляет собой сборник писем и дневниковых записей Удо, отобранных по неизвестному принципу его братом Фридрихом и опубликованных уже после смерти автора в 1915 году.

Также выяснилось, что русского перевода «Самовоспитания...» нет, но можно ознакомиться с английским переводом независимого американского переводчика-любителя Кеннета Кроненберга, опубликованным на его персональном сайте. С каждой прочитанной строкой мое желание перевести мемуары возрастало, ведь передо вставал образ интеллигентного, не без поэтической одаренности человека и патриота, одержимого смертью (за Отечество). Это наводило на размышления о природе милитаризма и его привлекательности. Сколько бы Гашек не высмеивал Биглера, а подобными настроениями были охвачены многие люди, участвовавшие в Первой мировой и, вероятно, многих других войнах.

Однако жизненные обстоятельства сложились иначе, и у меня не нашлось времени перевести эту книгу тогда. Наверное, и сейчас бы голос Удо не нашел себе выражения в русской речи, если бы мне не пришлось задавать те же вопросы, «которыми задаются дети и философы»². В образовавшееся свободное пространство моего сознания, связанное с избытком свободного времени, снова вернулся скромный и честный «господин профессор». Как и у Кроненберга³, у меня сложилась ситуация, когда Удо словно преследовал меня, вынуждая к переводу, и я тоже шел по его пятам, разбираясь в тонкостях немецкого студенческого жаргона, сея примечания по всему тексту, поясняя не совсем понятные и очевидные для человека другой национальности и эпохи места.

На протяжении многих часов перевода этого довольно короткого и малоизвестного текста я не раз задавался вопросом: «Что привлекло таких разных людей как Фолькмар, Кроненберг и я в личности человека, который на протяжении более 20 лет только и мечтал, чтобы как можно раньше получить пулю в висок на поле боя, поставив крест на успешной и крайне благотворно влияющей на умы молодежи преподавательской деятельности?»

Мои коллеги по «уведению» склонны видеть корни этого влечения к героической смерти в психологических трудностях профессора, его приниженности и чувстве собственной неполноценности. Но откуда оно берется трудно сказать наверняка. Однако представляется крайне удивительным, что преподаватель истории и географии мог настолько субъективно воспринимать собственную нацию, что послужило основой для сравнения Удо Крафта с русскими исто-

¹ Цитата приведена по переводу П. Г. Богатырёва. В издании: Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны (М.: Правда, 1958)

² Статья «Удо Крафт: настоящий немец» Фолькмара Штайна, 1988 год.

³ Свою увлекательную историю перевода и работы в архивах К. Кроненберг описывает в эссе «Chasing Udo».

риками, культивирующими «клерикально-консервативный взгляд» на отечественную историю⁴.

Не являясь ни профессиональным историком, ни психологом или психиатром, я не берусь судить об Удо Крафте, оставляя загадку его личности и природы милитаризма на откуп читателям.

Максимиллиан Сирин

⁴ Статья «Краткий курс профессора Удо Крафта» Камиля Галеева, 2011 год.

Вступление от Фридриха Крафта, брата автора записок

Следующие записи моего дорогого брата, охватывающие период в 28 лет, по праву должны были говорить сами за себя. Однако господину издателю, по-видимому, показались желательными несколько вводных слов. Тем, кто желает быстро ознакомиться с простым жизненным путём автора этих листов, следует обратиться к стр. 22 и далее, а также стр. 405⁵ и далее — там находится необходимое. А тем, склонен считать эту небольшую книжку апокрифической, — чего, впрочем, едва ли стоит опасаться со стороны внимательных и понимающих читателей, — да будет со всей определенностью засвидетельствовано, что всё приведено дословно по оставленным автором бумагам. При этом ни стиль ученика и студента, ни местами окрашенные местным колоритом обороты уроженца Верхнего Гессена⁶ нигде не были затронуты. То, что из разрозненных фрагментов сложилось целое, объясняется единственно цельностью характера автора, последовательным становлением его личности и упорным самовоспитанием.

Кведлинбург, Рождество 1914 года

⁵ стр 22 оригинала = “Из «автобиографии» в архиве союза...”; стр 40 = “Из более позднего письма "дяде в Америке" после возвращения на родину”

⁶ В начале XX века в биографических справках и предисловиях указание на «малую родину» было общепринятым способом обозначить культурный и речевой «профиль» человека

Из дневника шестнадцатилетнего.

В этой книге я отныне буду записывать всё, что со мной случается, а также, если почувствую потребность, и свои мысли. Делаю я это, с одной стороны, чтобы потом с радостью перечитывать эти строки, с другой — чтобы отдавать себе отчёт в своих поступках и занятиях и яснее понимать собственные мысли. Надеюсь, что буду вести дневник прилежно и что он принесёт мне и пользу, и радость.

Ночь накануне Нового года 1886/87.

Не знаю, как так выходит, что я так редко бываю по-настоящему доволен. Постоянно не хватает чего-то — я это ясно ощущаю, — чего-то значительного, за что можно было бы держаться, что влияло бы на всё, что я делаю и о чём думаю, чему я мог бы подчинить всю свою жизнь. Так тянется уже много лет; не знаю, когда это началось, но я совершенно отчётливо чувствую и внутренний порыв, и необходимость; это превратилось в смутную уверенность: должно случиться нечто такое, что задаст моей жизни определенное направление. — Порой мне кажется, что я доволен. Так бывает почти всегда, когда я сознаю, что честно распорядился своим временем - прежде всего исполнив свой долг, когда мне удалось что-то сделать или создать... Но затем вновь накатывает это тревожное, пугающее чувство. И тогда я спрашиваю себя: «Зачем ты вообще на свете? — Чтобы трудиться, зарабатывать себе на хлеб, радоваться жизни? Нет, не ради этого ты здесь». Нередко тогда мне приходила на ум одна довольно естественная мысль — и теперь я вновь нашёл её у Цицерона, в речах «В защиту поэта Архия» и «В защиту Милона»⁷: я хочу свершить нечто великое, чтобы имя моё не умерло вместе со мной, а жило еще долго. — Прежде эта мысль посещала меня очень часто — и столь же часто я её отвергал. Теперь мне кажется, я нашёл верный путь. Я хочу стать хорошим, благородным человеком. Хочу стремиться к тому, чтобы уважать самого себя, ясно сознавать собственную внутреннюю ценность — и спрашивать о том, что обо мне думают, лишь у тех людей, к которым сам испытываю уважение. Мой идеал — стать подлинным, верным своему долгу немцем...

⁷ «В защиту поэта Архия» и «В защиту Милона» — речи Цицерона. Первая прославляет ценность наук и искусств, вторая посвящена гражданскому долгу и мужеству; для образованной молодежи рубежа веков они были образцами высокого идеала и служения обществу.

Дневник. Пятница, 29 июля 1887 года.

...Мне трудно поверить, когда некоторые из моих друзей с такой уверенностью твердят, будто студенческое братство ещё возродится в былом величии. Для этого сперва должен воцариться среди нас совсем иной дух. Кто знает: быть может, немецкому народу сперва придется вновь пережить унижение от рук наших заклятых врагов — лишь тогда этот дух сможет пробудиться. И всё же я бы очень хотел дожить до этого. Я отдал бы лучший год своей жизни, лишь бы стать свидетелем столь великой, столь возвышенной поры, когда немецкий народ поднимется, когда каждый встанет твердо на защиту своего Отечества. С какой радостью я тогда отдал бы за это и саму жизнь! Но, боюсь, то время миновало и уже не вернётся никогда.

Из школьного сочинения, в котором требовалось сравнить «Песнь о Нибелунгах» с «Одиссеей» Гомера. Летний семестр 1887 года

...Так герой саги о Нибелунгах — прямой, смелый и верный — предстает в совершенно ином, идеальном свете, нежели «ловкий, хитроумный Одиссей»¹, который нередко прибегает ко лжи и обману, чтобы достичь своей цели, когда грубая сила не помогает. Такое поведение вовсе не претило греческому народу; напротив, он восхищался ловко придуманными ложью и гладкими речами своего героя (2). Древний же германец такого человека презирал бы. Открытость и прямота духа, безграничная отвага и непоколебимая верность — вот добродетели, составляющие идеал древнегерманского героя. Это те самые качества, что хранили немецкий народ сквозь века вплоть до сегодняшнего дня и будут хранить его во все времена.

1) Примечание учителя на полях: "Откуда это у автора?"

2) Примечание: «Это его собственные мысли?»

3) Примечание рядом с большим вопросительным знаком: «В устах якобы автора это только пустые фразы!» — Общее заключение учителя, который заодно был классным руководителем, звучит так: «„Автор“ разрабатывает совершенно неподходящую тему, а в особенности к концу развивает мысли, которые не может назвать своими: IV⁸». (вместо первой песни он рассуждал о всей „Песни о Нибелунгах“! — примечание издателя)

⁸ В немецкой школьной системе конца XIX — начала XX века действовала шестибальная шкала, где 1 — лучшая оценка, а 6 — худшая. Соответственно, IV (четвёрка) означала «неудовлетворительно».

Дневник. Суббота, 13 августа 1887 года.

...Мои оценки действительно выглядят удручающе! Если бы я только понимал, к чему всё это идёт, сумею ли я вообще с этим справиться. С самой Пасхи я исполнял свой долг в полной мере — и всё же... должно быть, дело всё-таки в недостатке способностей. Что же из меня в итоге выйдет? Я не раз думал: если уж война неизбежна, о, пусть она придет сейчас! Я с радостью принял бы честную смерть на поле боя за своё любимое немецкое Отечество. Тогда я хотя бы чего-то стоил, моя жизнь не была бы прожита впустую. Лишь об одном молю небо: убережь меня от участи прожить жизнь калекой. Но прежде чем выступить в священный бой за свободу и Отечество, я хотел бы проститься: «Если я не вернусь, прошу, вспоминайте обо мне порой; и если мне выпадет счастье покоем на кладбище родного города, приносите на мою могилу по цветку время от времени». Тогда я вышел бы против заклятого врага немецкой земли, готовый пролить кровь и умереть. Всё это, конечно, пустые фантазии. Кто знает, наступит ли когда-нибудь этот день. Но если он придёт, я хочу быть в числе первых, кто обнажит меч, чтобы защитить наши «священные рубежи».

Заключение рассказа «Йоханнес», посланного родителям на Рождество 1887 года

...С тех пор я без усталости бродил по свету. Пытался забыть свою боль — всё напрасно. Искать смерти — но она меня не нашла. Мир, который когда-то казался мне раем, теперь стал пустым и безрадостным, и мое усталое, израненное сердце только и жаждало, что покоя...

А потом мир наполнился грохотом войны. Заклятый враг ворвался в немецкие земли, но немецкий народ поднялся как один. Гремели кровавые битвы. Многие из тех, кто с радостью отдал жизнь за Отечество, пали на поле боя — и всё же победа пришла.

В далёкой долине, среди лугов, стояло одинокое надгробие в тени ивы. На нём была надпись:

«Здесь покоится Йоханнес, шпильман⁹,
Что с равной отвагой сражался мечом и песней.
Он умер смертью героя за Отечество.

⁹ Средневековый бродячий артист, музыкант, поэт в немецкоязычных государствах и странах.

Дневник. Воскресенье, 22 января 1888 года.

Моя дорогая матушка ушла и оставила нас одних... Никто из нас не посмел бы укорить её за то, что она обрела избавление от тяжких страданий, которые переносила с поистине героической стойкостью. И плакали мы не столько по ней, сколько по себе — по тем, кого она покинула. В этом бедном, слабом теле жил дух столь величественный и прекрасный, что мы все можем с благоговением поднять на нее глаза и сказать: «Это была наша мать!» Я знаю: я никогда не был достоин ее, но я буду стараться стать достойным. Хочу вечно хранить её образ в сердце и при каждом своем поступке спрашивать себя: «Что бы она на это сказала?» Быть может, со временем мне удастся побороть всё дурное, что есть во мне, и стать хорошим человеком, мужчиной. Отец сказал мне у её смертного одра: «Будь мужчиной!» Я хочу им быть. И моя мать поддержит меня.

Дневник. Вторник, 24 января 1888 года

Вечером, когда я заканчиваю учебу, я как раз занимаюсь полярными экспедициями, которые всегда меня особенно интересовали.

Дневник. Суббота, 4 февраля 1888 года.

Поистине великолепной была вчерашняя лекция полярного путешественника капитана Баде. Он живо описал гибель «Ганзы»¹⁰ и жизнь на дрейфующей льдине площадью 270 квадратных метров — в хижине, сложенной из брикетов; рассказал об ужасах полярной ночи, обо всём том несказанном страдании, что пришлось им пережить, о том, как они справляли Рождество и Новый год. — Четырнадцать человек там, на льдине, посреди холода, бурь и глухой тишины тех краёв, не имели ни малейшей надежды на спасение. Смерть неотступно стояла перед глазами, грозя в самых разных обличьях. И всё же эти люди ни на миг не забывали, что они немцы, и вели себя достойно своей нации. Даже в самые страшные мгновения, когда льдина раскололась, хижина разлетелась на части, когда, лишившись крова, они оказались во власти жесточайшей непогоды и смотрели в глаза голодной смерти, мысль о долге перед своим народом придавала им силы жить дальше — жить среди самых тяжких лишений. Но и награда им досталась по заслугам. Капитан Баде завершил выступление пожеланием, чтобы именно немецкой нации однажды удалось разгадать великую тайну Севера. — На душе у меня стало торжественно. Я думал: «О, если бы и мне довелось посвятить все свои дни служению Отечеству на этом поприще! Если бы своим суровой, полной лишений жизнью я мог помочь сбыться мечте этого отважного немца!» Вряд ли мне суждено проявить себя именно в таком деле, но я хочу и в том скромном кругу деятельности, который, быть может, когда-нибудь выпадет на мою долю, всеми силами трудиться на благо Родины.

¹⁰ «Ганза» — судно немецкой полярной экспедиции (экспедиция на «Ганзе» и «Герте» под руководством Карла Вайпрехта и Юлиуса Пайера, 1869–1870 гг.), которое потерпело крушение во льдах.

Из выступления на выпускном вечере. Дневник. 19 марта 1891 года

Долгие годы мы верно делили друг с другом радости и горести ученической жизни. Мы крепко держались друг за друга, когда это было нужно, по-ученически дружно ворчали на древних греков и римлян, да и на математические формулы, которые отравляли нам жизнь; вместе случалось и воздать должное богу Гамбринусу¹¹ — и весёлый, здоровый ученический юмор всегда был у нас в чести. Теперь эти времена миновали — здесь наши пути расходятся. Одни покидают город, чтобы вдали с обнаженным мечом служить Отечеству; другие остаются. Они надевают пеструю фуражку и повязывают ленту на грудь — разные фуражки, разные ленты. И тем самым мы вступаем в разные круги взглядов; и чем дальше мы выходим в жизнь, чем сильнее каждый развивается сообразно своей натуре, тем более различными станут эти взгляды, тем чужероднее будем мы друг другу. Но одно мы хотим пообещать себе сегодня: мы никогда не будем думать друг о друге хуже, мы всегда будем хранить о друг друге добрую память. И — слава Богу — у нас есть точка, где сходятся устремления и дела каждого из нас, ибо — я надеюсь на всех нас — это устремление служит не только жалкому собственному «я», но прежде всего дорогому Отечеству. Один патриотический поэт выразил эту мысль в прекрасных словах:

*Пусть нас разделяют вера, стремления, мнения,
Одно всегда должно нас объединять.
Братья, радостно подайте друг другу руки!
Свобода Германии, единство Германии,
И в ослепительной чистоте —
Любовь к Отечеству!*¹²

Да, где бы ни собирались немцы, даже если у них разные мысли и стремления, пусть они сознают, что едины в любви к Отечеству!..

¹¹ Гамбринус - это легендарный персонаж, которого в европейской традиции считают покровителем пивоваров и изобретателем пивоварения

¹² Из стихотворения "Bundeslied" Августа Генриха Гофмана фон Фаллерслебена (1798–1874) — поэта, историка немецких языка и литературы. Наиболее известен как автор текста «Песни немцев» («Deutschland, Deutschland über alles»), третья строфа которой сейчас — государственный гимн Германии.

Из речи, произнесенной в честь возрождения Германской империи. Записано 16 января 1892 года.

Двадцать один год минул с тех пор, как Германская империя вновь восстала из небытия. То, что видели певцы Освободительных войн¹³, то, чем с глубокой тоской была исполнена грудь Шенкендорфа¹⁴, мечта, за которую пятьдесят лет держалось немецкое студенчество в течение тяжёлой, смутной поры, — эта мечта сбылась, прекраснее, чем кто-либо смел надеяться: Германская империя была основана — могучая внешне, единая внутри...

Когда 1871 год принёс восстановление Германской империи, говорили — и говорят до сих пор: студенческое братство¹⁵ изжило себя, его идеал осуществлен, оно нам больше не нужно.

Но чего же хотело старое доброе студенческое братство?

Оно хотела облагородить молодёжь, пробудить в ней понимание высших ценностей человечества — свободы, чести и Отечества. Она хотела посредством всестороннего духовного и телесного воспитания сделать молодёжь способной в будущем всеми силами служить Отечеству. — Что ж, эта задача остаётся перед студенческим братством и сегодня — а может быть, сегодня даже более, чем когда-либо. И мы, его сыновья, хотим сегодня, в день годовщины Германской империи, дать обет: охотно и радостно позволять ему воспитывать нас, идти по пути, который оно начертало нам в словах: «Свобода, Честь, Отечество». Мы хотим сохранять ясный, свободный от предрассудков взгляд на целое и не растворяться в собственном жалком «я». Прекрасная пора, дарованная нам для пребывания в университете, да будет посвящена упорному стремлению к духовному и телесному совершенствованию, дабы и о нас могло быть сказано:

*«Пылая жаждой знаний,
Во цвете юных лет,
Да будет молодежь Германии
Братским союзом!»*¹⁶

В этом смысле мы обязуемся быть достойными членами братства.

¹³ Освободительные войны — это вооружённое движение немцев, направленное на освобождение территорий Германии от оккупации наполеоновской Франции

¹⁴ Макс фон Шенкендорф (1783 - 1817 гг., полное имя - Готтаб Фердинанд Максимилиан Готтфрид фон Шенкендорф) — поэт и писатель, основными темами творчества которого были любовь к Отечеству и его освобождение, участвовал в войне с Наполеоном 1813 года

¹⁵ Студенческое братство (Burschenschaft) — специфическое студенческое объединение с идеологией, ритуалами и патриотической программой

¹⁶ Строки из стихотворения «Греми, песнь свободы» («Brause, du Freiheitssang») Карла Теодора Христиана Фоллена (1796-1840) - поэта, преподавателя, правоведа, родившего в Гессене, как и автор дневника. В 1814 году отправился воевать с Францией, но, заболев тифом, не принял участие в бою.

Из речи на рождественской студенческой пирушке. Декабрь 1893 года

...Мы празднуем ныне Рождество с песнями и звоном кубков, у сияющего огнями рождественского дерева и с шутивным вручением подарков. Но не станем забывать, что Рождество имеет для нас и серьёзное значение. Оно знаменует возникновение того чистейшего и благороднейшего из учений: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»; и более того: «Служи ближнему твоему, отрекись от себя самого — истреби в себе эгоизм, свойственный каждому с рождения; словом, стань нравственным человеком». В этом суть учения Христова. — Сие наставление, дорогие братья по союзу, обращается ныне и к нам. И мы должны любить ближних своих, т.е. не только родных, друзей, братьев по союзу; нет, мы должны сохранить в себе сердечную теплоту и открытость всему человечеству со всеми его радостями и горестями. Мы не должны помышлять лишь о том, как бы самим добыть себе хлеб насущный, а добыв, спокойно вкушать его и думать: «Пусть мир там, снаружи, творит, что хочет; я-то сижу в тепле и сухости». Нет, мы должны вместе с человечеством ликовать и скорбеть, вместе с ним трудиться и идти вперёд. — Но ещё большего требует от нас сие учение: мы должны служить человечеству. Правда, непосредственно мы пока не в силах оказать ему множество услуг. Однако мы можем служить косвенно: ибо ныне пребываем во времени приготовления к сему служению. Посему будем трудиться честно и неутомимо над своим внешним и внутренним совершенствованием, дабы со временем стать зрелыми мужчинами, способными исполнять свой долг по жизни и тем внести свою малую лепту в дальнейшее развитие общества. Ведь сие заключено и в нашем девизе — в слове «Отечество»: через служение ему мы должны действовать на благо целого.

Вот о чем взывает к нам, к студентам и членам братства, Рождество. Пусть не умолкнет сей рождественский призыв и обретет прочное место в наших сердцах; да будет наше студенческое братство во все времена выпускать в мир достойных людей на дело служения человечеству, за что давайте протрём саламандру¹⁷!

¹⁷ «Саламандра» (Salamander) - ритуал, которым открываются и завершаются пивные вечера. По команде председателя пирушки пьющие одновременно проводят дном кружек по столу, а затем троекратно ударяют ими об стол

Из «автобиографии» в архиве союза старых членов братства Арминия в Гисене. Записано зимой 1898 года

На Пасху 1891 года наконец пробил час моего освобождения от школярских уз, и я удостоился надеть на грудь любимое чёрно-золотисто-красное братское знамя (ленту).

Студенческие годы стали самой прекрасной и счастливой порой моей жизни, и я не променял бы воспоминания о них ни на какие сокровища мира. Этому способствовало несколько обстоятельств. Нас, арминянцев, в семье было трое: мой брат, названный брат и двоюродный брат — и я. Отец и сёстры полностью разделяли наши идеалы и доказывали это деятельным участием в судьбе нашего братства. Отец, который в свои студенческие годы сам находился под строгим надзором своего отца, предоставлял мне во всём свободу действий; и пусть он не мог выделять мне большие карманные деньги, я всё же оставался неизменно веселым студентом, довольствуясь тремя марками в неделю да случайными дополнительными поступлениями. В братстве нас было немного, но всех нас связывала искренняя личная дружба и честное стремление, по крайней мере в нашем тесном кругу, максимально приблизиться к нашему идеалу. Не хвастаясь, могу сказать, что мы с серьезной добросовестностью относились ко всем нашим учреждениям (научный вечер, встречи членов братства, пирушка, фехтование и занятия гимнастикой), жили просто и вели хозяйство бережливо; каждый из нас ставил личные желания и интересы ниже блага братства, так что мы никогда не позволяли себе утрачивать искренность даже перед самими собой — как бы ни отставало исполнение от замысла. — При этом мы неизменно ценили те радости, которые дарит немецкое студенческое бытие тем, кто умеет вкушать «блистательную оболочку жизни»... В марте 1896 года я сдал экзамены и получил право преподавать историю, географию и немецкий язык в старших классах, а латынь - в младших. 1 октября 1896 года я поступил в пехотный полк "Кайзер Вильгельм" (Великогерцогский гессенский № 116)¹⁸

¹⁸ 116-й (2-й Великогерцогский гессенский) пехотный полк «Кайзер Вильгельм»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.